

УДК 930.1
DOI: 10.17223/19988613/61/14

Л.А. Гаман

ИДЕЯ КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ВЗГЛЯД Г.П. ФЕДОТОВА В АМЕРИКАНСКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА (1942–1951 гг.)

В статье рассматриваются историко-религиозные взгляды выдающегося русского религиозного мыслителя, историка Г.П. Федотова (1886–1951), связанные с его трактовкой идеи культурного синтеза в условиях углубления мировой интеграции, а также в свете проблемы направленности исторического процесса, относящиеся к американскому периоду его творчества. Подчеркивается своеобразие его междисциплинарной исследовательской стратегии, отмечается значение в ней религиозной компоненты. Рассматриваются его представления о природе национальных государств и их перспективах в условиях технологической цивилизации, а также особенности и перспективы межкультурного диалога Европы и России. Акцентируется внимание на его представлениях о значении христианских ценностей, прежде всего, свободы, для международной интеграции.

Ключевые слова: христианство; глобализация; менталитет; культурный синтез; национализм.

Идейно-теоретическое наследие представителей Русского зарубежья обретает особую актуальность в условиях нарастающей интенсивности глобализационных процессов в мире. Их всеохватность порождает потребность осмысления обусловленных ими трансформаций в различных сферах социального взаимодействия [1–3]. В этой связи вызывают интерес теоретические построения русских религиозных авторов, таких как Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, Ф.А. Степун и др., на страницах своих работ уделявших большое внимание проблеме мировой интеграции. Ее неизбежность и крайняя сложность были особенно очевидными в результате двух мировых войн XX в., ставших существенными факторами глобализации наряду с научно-техническим прогрессом, развитием средств массовой коммуникации, широким распространением либерально-демократических ценностей, в своем сложном взаимодействии способствовавших созданию условий, благоприятных для интеграции народов. Одним из зримых выражений этого стало расширение миграционных процессов в мире. По сути, в новых исторических условиях русскими учеными была предпринята углубленная разработка традиционной для отечественной религиозной мысли проблемы «Восток – Запад», основу которой составляет идея синтеза культур.

В рамках данной работы остановимся на размышлениях выдающегося русского религиозного мыслителя, историка *Георгия Петровича Федотова* (1886–1951), уделявшего целенаправленное внимание проблемам международной интеграции и межкультурного взаимодействия в эмигрантский период творчества. Советскую Россию он покинул вместе с семьей в 1925 г. по собственной инициативе, присоединившись к первой волне российской эмиграции в связи с неприятием советской системы, к тому времени проявившей свой идеократический характер. Небезынтересно упомянуть, что в 1918 г. он получил приглашение от своих друзей и коллег, профессоров историко-филологического факультета Томского университета С.И. Гессе-

на и П.Г. Любомирова перебраться в Томск, но он отклонил это предложение, отдав предпочтение работе в Саратовском университете [4. С. 218]. Однако ни преподавательская, ни научно-исследовательская, ни впоследствии переводческая деятельность не могла защитить от нараставшего идеологического пресса со стороны большевистской власти, что и побудило Федотова покинуть страну. В немалой степени такому выбору способствовала личностная черта мыслителя, отмеченная его женой Е.Н. Федотовой: «Ни к каким компромиссам, даже символическим, Г.П. не был способен» [5. С. XIX].

Оказавшись в эмиграции, Федотов жил сначала во Франции, а с 1942 г. в США. Примечательно, что его жена так и не смогла адаптироваться к американской культуре и вернулась во Францию [5. С. 407], тогда как сам мыслитель до конца жизни оставался в Америке. В американский период творчества предметом его детального анализа становятся те процессы, которые в терминологии современного научного знания квалифицируются как «модернизационные» и «глобализационные» [6]. (Сам ученый не использовал в своих теоретических построениях термины «модернизация» и «глобализация».) В работах этого периода Федотов напряженно переосмысливал в соответствующем ракурсе ключевые сюжеты российской истории, в частности петровскую модернизацию, Русскую революцию 1917 г., сталинскую модернизацию. Отдельный интерес вызывает предпринятый им системный анализ международных отношений в годы Второй мировой войны и по ее окончании, осуществленный им в свете магистральной для христианского видения истории темы направленности исторического процесса. В рамках данного анализа им был сформулирован целый ряд положений, в том числе связанных с проблемой культурного синтеза, актуальность которых сохраняется до настоящего времени, особенно с учетом тех сложно-

стей выстраивания межкультурного диалога между представителями различных национальных групп, которые столь остро проявились в обществе на рубеже XX–XXI вв.

Богатое творческое наследие Федотова неизменно вызывает интерес исследователей. Особенности его мировоззренческой эволюции, освещение общетеоретических представлений, особенностей исследовательских подходов содержатся в работах его современников М.М. Карповича [7. С. 269], Ф.А. Степуна [8], С.И. Штейна [9], Ю. Иваска [10] и др. Иваск, в частности, акцентируя внимание на исторической фундированности работ Федотова, писал: «Все его работы исторически обоснованы, подтверждаются академическими изысканиями... Федотов стремился услышать в документах, в памятниках голоса истории. При этом, не искажая фактов и не отбывая их искусственно, он подчеркивал в прошлом то, что могло бы пригодиться для настоящего и будущего» [10. С. 349–350].

В России работы Федотова получили широкую известность в постсоветский период. Его историко-философские представления, касающиеся, прежде всего, сюжетов российской истории, рассматриваются в работах О.Г. Юмашевой [11], Э.А. Шарпловой [12], Н. Зайцевой [13]. Зайцева, кроме того, в своей монографии касается его проекта всемирной федерации народов. «Вообще стоит сказать, – справедливо подчеркивает автор, – что Федотов был одним из немногих исследователей в российской, а возможно, и мировой историографии, который поставил в центре своего анализа Империю с большой буквы и весь комплекс связанных с этим проблем. Еще с XIX в. методология западноевропейских исторических исследований оказалась завязанной на категориях национальной государственности, так как в это время модель этнически единого и однородного национального государства стала в Европе нормой» [13. С. 202]. Однако в данной работе автор ограничивается лишь постановкой проблемы. А.Ф. Киселев в своей монографии освещает биографию и идейную эволюцию мыслителя, анализирует его историко-философские представления, в том числе о специфике цивилизационных контактов России в различные периоды истории в связи с темой своеобразия российского исторического процесса и проблемой Русской революции [14]. М. Вандалковская [15] анализирует интерпретацию Федотовым культурных контактов России и Европы в свете темы моделирования представителями эмигрантской мысли проектов будущего устройства России, относящихся к 20–30-м гг. XX в. М.И. Матюшевская уделяет специальное внимание анализу некоторых аспектов геополитических конструкций Федотова [16]. Целый ряд положений статьи данного автора представляется дискуссионным. В частности, в ней отмечается, что для Федотова в послевоенный период стало очевидным, что «США все больше проникаются духом насилия, их политика приобретает профашистский характер» [16. С. 68]. Между

тем Федотов до конца жизни рассматривал политическое доминирование США и Англии в мире как наиболее предпочтительное для судеб демократии. Он действительно находил профашистские элементы в американской массовой культуре, однако рассматривал их в ином контексте, в русле общемировой тенденции дегуманизации человека, одним из показателей чего как раз и является культ силы.

В ряде работ автора данной статьи также рассматриваются историко-религиозные представления Федотова, его концепция Русской революции 1917 г. и советской истории [17, 18]. Специальное внимание проблеме международной интеграции и идее культурного синтеза в интерпретации ученого было уделено в докладе, представленном на научной конференции «Диалог цивилизаций и идея культурного синтеза в эпоху глобализации» [3. С. 21–24], развитие основных положений которого и предпринимается в настоящей работе.

Источниковую базу нашей статьи составили работы Г.П. Федотова, относящиеся к американскому периоду творчества (1942–1951 гг.). Важным источником является его эпистолярное наследие, позволяющее составить более емкое представление о культурно-историческом контексте этой эпохи. В качестве источников также используются работы ряда современников ученого, в которых затрагивается проблема международной интеграции.

Изучение проблемы международной интеграции и связанной с ней идеи культурного синтеза Федотов осуществлял на основе междисциплинарной исследовательской стратегии, предполагающей использование в исследовательской практике достижений современных гуманитарных и социальных наук, при определяющем значении исторической науки. Это позволяло ему учитывать различные аспекты и нюансы интересовавших его процессов и явлений. Будучи христианским историком и мыслителем, Федотов комбинировал научные методы познания с христианскими принципами постижения истории [17; 18. С. 131–153]. Сама направленность размышлений Федотова о международной интеграции и культурном синтезе определялась его представлениями о всеобщности христианской религии и осуществлялась в свете религиозной идеи направленности исторического процесса. Будучи человеком христианского сознания, он выступал сторонником развития человеческой цивилизации в духе христианского социального идеала. В работе «Церковь и социальная правда» (1950), написанной по заказу Всемирного совета церквей, мыслитель обозначил общие контуры общества, к построению которого должны стремиться христиане, особенно с учетом пережитого опыта мировых войн XX в. Согласно Федотову, это такое общество, «где более всего воплощена справедливость и братские начала жизни, где легче всего бороться со злом и где личность поставлена в наиболее благоприятные условия для своего духовного развития» [19. С. 320]. Необходимым условием построения

такого гармоничного, свободного, но и сложноорганизованного общества, являлось углубление международной интеграции народов. Обращаясь к историко-религиозным размышлениям Федотова, посвященным ключевым проблемам современности, в том числе проблеме межкультурного взаимодействия народов, необходимо принимать во внимание эту их религиозно-духовную подоплеку. В этой связи трудно не согласиться с мнением известного американского исследователя русской общественной мысли М.М. Карповича, знавшего Федотова лично, который отмечал: «Основной темой Г.П. – на протяжении всей его литературной деятельности... – оставалась тема России и Запада. Но тема эта ставилась и обсуждалась Г.П. в связи с общим вопросом о судьбах человеческой свободы и человеческого достоинства, а еще глубже, в самой основе его рассуждений лежала общая религиозная его философия» [7. С. 269].

Обращаясь к анализу историко-религиозных представлений Федотова о международной интеграции как необходимом ответе на вызов эпохи, следует также учитывать, что устойчивость его интереса к данной теме в американский период творчества определялась характерной для того периода политической обстановкой, предшествовавшей формированию двуполярного мира. Исходной точкой размышлений ученого являлось его убеждение, что Вторая мировая война остро поставила вопрос о необходимости формирования новой системы международных отношений, способных предотвратить очередную масштабную войну, грозящую гибелью человечества с учетом возможностей современной техногенной цивилизации. Реальность подобной перспективы осознавалась многими современниками Федотова. Так, Бердяев в 1948 г. писал: «Нужно сознать, что есть только один вопрос, от которого зависит все – вопрос войны» [20. С. 280].

Уже в годы Второй мировой войны Федотов пришел к выводу, что основным противоречием является противоречие между ее «универсальными целями» [6. С. 27], связанными с необходимостью консолидации мирового сообщества, и «национализмом сражающихся народов» [Там же. С. 25], стремящихся к защите своих национальных интересов в ущерб мировому единству. Признавая оправданность роста патриотических чувств народов в годы войны, усиление их национальной идентичности, он, тем не менее, полагал, что проекты послевоенного устройства мира должны были моделироваться с расчетом на преодоление данного противоречия. Внимательно следя за театром военных действий, анализируя политические стратегии лидеров воюющих государств, ученый пришел к выводу о возможности двух основных альтернативных моделей послевоенного устройства мира. Одна из них была связана с сохранением суверенных национальных государств, основу взаимодействия которых должна была составить модернизированная с учетом опыта войны система международных отношений. Такой сценарий

развития, предполагавший включение Советской России в качестве равноправного партнера в эту систему, представлялся оптимальным и другим современникам Федотова, в частности Бердяеву, который писал: «Федерация народов, которая была бы федерацией капиталистических государств, и невозможна, и нежеланна. И никакая федерация невозможна без участия России» [20. С. 278].

Другая альтернатива, предпочтительная для Федотова, предполагала создание свободной федерации народов, которую он условно называл «*Rax Americana*» или «*Rax Athlantica*» [6. С. 239], принципиально иной характер которой определялся отказом национальных государств от своего суверенитета в пользу этого «нового сверхнационального единства» [Там же. С. 27]. Примечательно указание Федотова на то, что потенциально неизбежное вовлечение восточных народов в это политическое объединение, способствующее их социокультурной модернизации, с течением времени станет одной из ключевых международных проблем, «займет когда-то главное поле истории» [Там же. С. 241]. В условиях современной техногенной цивилизации с характерным для нее военно-технологическим потенциалом лишь вторая из рассмотренных альтернатив, по убеждению мыслителя, могла обеспечить поступательное развитие общества. «Изолированное государство, – писал Федотов, – не может существовать... Оно должно найти в себе силы для более широкой интеграции или погибнуть» [Там же. С. 29]. Для него это стало окончательно ясно после создания атомного оружия [Там же. С. 212]. Немаловажным фактором, обусловившим предпочтение Федотовым именно такой альтернативы, стала интенция внешней политики Советского государства после освобождения территории СССР от гитлеровских войск, обнаружившая намерение Сталина расширить сферу советского влияния за счет стран Восточной Европы [Там же. С. 184]. О пессимистической настроенности части российской эмиграции в связи с экспансией СССР свидетельствуют слова писательницы Нины Берберовой, которая писала Федотову в 1948 г.: «Мне стыдно за Россию. Мне страшно за Европу» [4. С. 405].

Будучи религиозным западником [21. С. 97–98], приверженцем ценности свободы в европейском понимании, являясь противником доминирования в послевоенном мире СССР как идеократической тоталитарной системы, Федотов пришел к выводу о необходимости добровольного отказа национальных государств от политического суверенитета и их интеграции под эгидой народов, на практике воплотивших демократические институты. «В случае победы Америки, Англии и их союзников, – писал он, – единство мира должно отлиться в форму действительной, а не мнимой федерации» [6. С. 239]. Лишь объединив свои усилия, полагал Федотов, демократический мир в состоянии противостоять натиску тоталитаризма с характерной для него политической системой. Доминирование и диффузное

распространение либерально-демократических ценностей, порожденных англосаксонской культурой, рассматривалось ученым как существенное условие культурного синтеза в послевоенном мире. Признаем, что Федотов, в целом верно обозначив основной вектор мирового развития, тем не менее, не сумел увидеть опасности, сопряженные с формированием однополярного мира. Слабой стороной его размышлений является и отсутствие должного внимания к отрицательным последствиям «блокового мышления», неизбежного, как показал опыт холодной войны, при противостоянии либерально-демократической и тоталитарной политических систем, затруднявшего культурный синтез, о чем с тревогой писал в своих последних работах Бердяев, также являвшийся, как отмечалось выше, убежденным сторонником мировой интеграции [20].

В американский период творчества заметно усилился интерес Федотова к истории мировых империй как «сверхнациональных» политических образований, обладающих «особым универсальным политическим самосознанием» [6. С. 232], что в значительной степени было обусловлено его стремлением доказать, опираясь на верифицируемый исторический материал, перспективность своего проекта. Признавая преимущественно насильственный характер создания мировых империй, Федотов, тем не менее, считал сам процесс универсализации, связанный с ними, начавшийся в Древнем мире, продолжавшийся в Средние века и Новое время, объективно неизбежным, благоприятным для расцвета множества различных культур, несмотря на многие сопутствующие этому процессу негативные явления, тупики и срывы. Это представлялось ему особенно актуальным в свете противоположной альтернативы – эскалации агрессии суверенных национальных государств, по своей внутренней логике стремящихся к наращиванию силового потенциала, по крайней мере, в целях сдерживания агрессивных намерений своих противников. На фоне тысячелетней мировой истории национальная форма государства представлялась Федотову временным явлением, требующим своего творческого преодоления, прежде всего, в интересах сохранения национальных культур как таковых.

Предваряя дальнейшее изложение, необходимо в общих чертах рассмотреть важные для историко-теоретических построений Федотова понятия «нация» и «национализм», которыми он оперировал при обращении к проблемам международной интеграции. «Нация» (народ) в его концепции выступает в качестве «духовно-исторической личности» [6. С. 263], активного субъекта исторического процесса. К числу основных элементов нации им были отнесены: религия, язык, нормативно-ценностная система («иерархия ценностей»), определяющая своеобразие коммуникационного пространства народа, «общность быта», искусство и литература [6. С. 37]. По сути, понятие «нации» в версии Федотова совпадает с понятием «культуры» в современной интерпретации [2. С. 64]. Коррелятивное

взаимодействие в процессе исторического развития комплекса перечисленных выше компонентов способствовало, по его мнению, формированию культурной гомогенности народа, жизненно важной для народа как единого целого. Подчеркивая исторический характер культурного единства, Федотов отмечал: «Это культурное богатство не дается сразу ни одной этнографической народности, но постепенно наживается ею в ее исторической жизни» [6. С. 37]. В терминах современного научного знания речь идет о цивилизационном уровне исторического сознания народа, являющегося результатом длительного исторического развития в определенных природно-климатических, социально-экономических, религиозно-духовных, геополитических условиях [22]. Своеобразие народа, устойчивость его ментальных характеристик, как положительных, так и отрицательных, диалектически связанных между собой, особенности его социального поведения, согласно Федотову, определялись историческим характером культуры. Саму суть своего подхода он выразил в парадоксальном утверждении: «Не народ (нация) создает историю, а история создает народ» [6. С. 37]. Так, наблюдая в годы Второй мировой войны относительно беспрепятственное включение в сферу влияния СССР стран Восточной Европы (кроме Чехословакии и Польши), а также стран Востока, прежде всего Китая, Федотов связывал возможность легитимации советской тоталитарной системы в общественном сознании народов этих стран с длительной традицией деспотической власти, приучившей население к покорности [Там же. С. 61]. С особенностями российского исторического процесса Федотов связывал «эгалитарный, коллективистичный и тоталитарный» характер русской социальной этики, устойчивость которой сделала возможным социалистический эксперимент в СССР [Там же. С. 308]. Исторически сложившиеся ментальные особенности народа в концепции Федотова выступали важным фактором культурного синтеза, впрочем, нередко и затруднявшим его.

Однако Федотов не ограничивался констатацией исторической природы нации. Будучи христианским мыслителем, он был убежден в существовании глубокой внутренней связи эмпирического и сакрального уровней истории. В его концепции идея многообразия культурных типов, обусловленных историческими факторами, сложно комбинировалась с идеей «многоединства во Христе», получая тем самым онтологическое измерение. В соответствии с этим, он последовательно придерживался христианских представлений об особом призвании каждого из народов христианского круга, при одновременном признании общих для всех них целей и направленности исторического развития. Примечательно, что в качестве христианского мыслителя Федотов не сомневался в потенциальном расширении сферы влияния христианства: «Все народы призваны к христианству» [6. С. 100].

Русский народ, полагал Федотов, подобно другим христианским народам, был наделен «особой, грече-

ско-византийско-славянской темой» [6. С. 64–65] и специфической культурной миссией, обусловленной пограничным геополитическим положением Руси – России между «христианским Западом» и «магометанским Востоком». Исторической миссией России, по его убеждению, являлось распространение западной культуры, основу которой составляли античные и христианские ценности, на почве которой сформировалась идея *свободы* в ее современном понимании. Следует подчеркнуть ключевое значение категории свободы в историко-теоретических построениях Федотова, проблеме природы и генезиса которой в американский период творчества он посвятил немало специальных статей, среди которых «Рождение свободы» (1944), «Россия и свобода» (1945), «Судьба империй» (1947). Констатируя «христианские», «западно-европейские» истоки происхождения свободы, он аргументированно обосновывал идею уникальности европейской свободы «в общественно-политическом смысле» [Там же. С. 152]. Подчеркивая ее сложную природу, Федотов особенно настаивал на необходимости систематического воспитания демократического сознания в народе, без которого, по его убеждению, подлинная демократия была невозможна. Как полагал мыслитель, Россия призвана была нести христианскую свободу и базировавшиеся на ней западные ценности другим народам.

Интерес к проблеме национализма в современном мире Федотов начал проявлять со второй половины 1930-х гг.; в американский период творчества она приобрела для него центральное значение, конечно, в результате осмысления места и роли национализма во Второй мировой войне. Он указывал на сложную природу национализма, как правило, в основе своей имевшего патристические чувства и мотивы, которые в силу различных причин, чаще всего «национального унижения и социальной розни», трансформировались в болезненное национальное чувство, аналогичное по структуре личному эгоизму. «Национальное чувство в его нормальном состоянии, – писал он в этой связи, – совместимо с уважением и терпимостью к чужим нациям. Национализм, особенно тот горячий пароксизм его, которым сейчас заражен мир, питает ненависть ко всем народам (кроме собственного), с которыми приходит в соприкосновение» [6. С. 8]. Основным фактором, способствовавшим зарождению и широкому распространению национализма в обозначенном смысле, Федотов считал утрату христианским миром представлений о своем глубоком онтологическом единстве. Попутно лишь отметим, что значительную долю ответственности за это он возлагал на историческое христианство, не сумевшее в должной мере реализовать свое социальное назначение в мире. Таким образом, «национализм» в интерпретации Федотова выступал деформированной формой здорового национального чувства, в своем болезненном состоянии имевшего исключительно дисфункциональное значение, в таком качестве становившимся ключевым пре-

пятствием на пути к мировой интеграции. Практика национальных государств, прежде всего нацистской Германии, выступала для ученого убедительным аргументом в пользу необходимости отказа от их политического суверенитета как главного условия преодоления такого разрушительного национализма.

Негативно относясь к идее национального государства, Федотов в американский период творчества пришел к достаточно радикальному выводу, согласно которому для сохранения национальной культуры, как и культуры вообще, совсем не обязательна оболочка национального государства, в современном своем виде оформившегося лишь в XIX в. Он воспринимал критически характерное для национальных государств отождествление государства как политического института и национальной культуры как таковой. По мысли ученого, это имело неоднозначные последствия в первую очередь для судеб народов, составляющих этническое ядро в полиэтнических государствах, «базовую культуру», в современной терминологии [2. С. 345]. Сильной стороной такого государства являлся выраженный патриотизм носителей доминирующей культуры, монолитность народа, его готовность защищать государственные интересы, не дифференцируемые с интересами строго национальными. Однако оборотной стороной государственной опеки базовой культуры являлись, как объективно показывает Федотов, нарастание национализма и шовинизма в обществе, ущемление прав культурных меньшинств, рост ксенофобии, что в совокупности способствовало дестабилизации обстановки в государстве. Благородная по своему исходному замыслу государственная защита фундаментальных ценностей базовой культуры, забота об их распространении в мультикультурной среде, резюмировал Федотов, тем самым «оказывается губительной для культуры» [6. С. 40].

Размышляя о перспективах мирового развития, мыслитель акцентировал внимание на том факте, что в условиях техногенной цивилизации национальное государство, нацеленное на решение универсальных по своей природе хозяйственных, военно-политических, технико-технологических задач, парадоксальным образом оттесняло проблемы собственно национального культуры на периферию своих интересов. «Научно-технический и социальный рационализм XIX века, – писал в этой связи ученый, – убил остатки выращенных средневековьем и связанных почвой национальных культур. Умолкла народная песня, вымирает народное искусство. Нигде, кроме маскарадов, не носят национальных костюмов. А народная душа? Школа, газета и фабрика еще до радио и синема нивелировали их. Что всего важнее, самое значительное в мире духа, в религии, в искусстве, в философии сейчас не носит национального отпечатка...» [Там же. С. 41]. К неоднозначным результатам в условиях современной капиталистической системы привела коммерциализация культуры, которая, в частности, оказала негативное влияние

на национальные традиции и устои. Федотов писал с горечью: «Национальные традиции служат больше для декоративной рекламы внутренне пустой технической цивилизации» [6. С. 236]. Денационализированная среда, благоприятная для распространения массовой культуры, согласно Федотову, способствовала углублению процессов международной интеграции, однако она же таила в себе опасность деиндивидуализации самобытных культур, выветривания подлинно национальных начал, прежде всего, «забвения религии, языка» [Там же. С. 11]. Как человек христианского сознания Федотов не мог также мириться с размыванием христианских в своей основе ценностей, таких как сострадание, милосердие, социальная солидарность, свойственных ранее для всех культур христианского мира [19]. Применительно к американской культуре символами «духовного опустошения» для Г.П. Федотова выступали «Бродвей» и «Голливуд» [6. С. 83].

По сути, в этой части своих размышлений ученый выражал большую озабоченность не только судьбами национальной культуры, но судьбами культуры как таковой. Однако в свете рассматриваемой темы интенсивность размывания национальных культур в рамках национальных государств выступала для ученого убедительным подтверждением исчерпанности идеи суверенного национального государства. Будучи приверженцем идеи многообразия культурных типов, Федотов особо подчеркивал, что отказ от политического суверенитета не нес в себе угрозы *национальным* культурам как таковым. По замыслу Федотова, «политическая власть единого центра» при предоставлении «культурной автономии» каждому народу способны обеспечить условия для развития самобытных культур и налаживания культурного диалога между ними [6. С. 251–252]. Поясняя эту свою достаточно радикальную позицию, он писал: «Грядущая универсализация государства может угрожать только политике и хозяйству, которые по необходимости, если не целиком, то в значительной степени становятся планетарными» [Там же. С. 42]. Следуя своей логике, Федотов пришел к парадоксальному выводу: именно международная интеграция создает благоприятные условия для развития национальных культур, однако при условии их возвращения к религиозно-духовным истокам. «Здесь проходит, – констатировал он, – основное русло национально-культурного возрождения» [Там же. С. 14]. Тем самым русский мыслитель закрепил за культурой значение едва ли не основного источника идентичности народа. Примечательно, что в настоящее время исследователи все чаще акцентируют внимание на этом значении культуры в процессе национальной самоидентификации, особенно по мере изживания идеологических источников таковой [2. С. 404]. При этом следует особо подчеркнуть важное замечание русского ученого о недопустимости и преступности обращения религиозной веры в «орудие политики» [6. С. 14]. С сожалением приходится констатировать, что размах современного

терроризма, как известно, в немалой степени связан именно с этим обстоятельством.

В исторической ретроспективе удачным примером культурного синтеза для Федотова выступала европеизация России. Чрезвычайно болезненная для народа, сопровождавшаяся становлением «культурного дуализма» в России, она, по убеждению ученого, в результате состоявшегося культурного диалога привела к расцвету русской культуры: «Этот необычайный расцвет русской культуры в новое время оказался возможным лишь благодаря прививке к русскому дичку западной культуры» [6. С. 140]. С большой силой Федотов писал: «...самое существование русского государства имело лишь один смысл: создание этой культуры, “вечно-го” слова России» [Там же. С. 93]. В этой связи важно подчеркнуть, что ключевым условием плодотворности культурного синтеза для отечественной культуры Федотов считал христианское единство России и Запада, независимо от догматических различий христианских конфессий и исторического противостояния восточной и западной ветвей христианства на протяжении веков. При отсутствии «известного сродства» России и Запада, настаивал он, «чуждая стихия искалечила бы и погубила национальную жизнь» [Там же. С. 140].

Рассматривая Россию в качестве составной части европейской культуры, связывая ее историческую миссию, как указывалось выше, с распространением европейских христианских ценностей Федотов болезненно переживал нарастание враждебности Советской России по отношению к Западу, в отличие от Бердяева, который, напротив, предостерегал Запад от враждебности по отношению к Советской России [20]. Однако для обоих мыслителей было характерно отрицательное отношение к перспективам изоляции России от Европы. Чрезвычайно опасными для исторических перспектив России Федотов считал сокращение непосредственных контактов советских людей с носителями западной культуры [6. С. 152–153], девальвацию западных ценностей в их сознании, реактуализацию «московского» «антилиберального человека» в советском обществе [Там же. С. 149]. Беспокоило его и то, что политический курс Советского государства на изоляцию от Запада компенсировался активизацией внешней политики в Азии на Ближнем и Дальнем Востоке, особенно по окончании Второй Мировой войны [Там же. С. 154].

Сходной точки зрения придерживался другой русский религиозный мыслитель Ф.А. Степун, являвшийся, как и Г.П. Федотов, религиозным западником. В 1964 г. в своей последней книге он, касаясь известной дилеммы России, с большой художественной силой выраженной Вл. Соловьевым в известном вопрошании к ней: «Каким ты хочешь быть Востоком: / Востоком Ксеркса или Христа?», с сожалением констатировал, что выбор был сделан в пользу первого. Степун писал в этой связи: «После захвата власти большевистское государство выбрало Ксеркса, что и объясняет сегодняшнюю позицию России в борьбе между Евро-

пой и Азией» [23. С. 99]. Важным ответвлением этой темы в размышлениях Степуна являлась тема восприятия европейскими народами самой России как страны азиатской, чуждой Европе и ее культурному коду. «После второй мировой войны Азия, — подчеркивал мыслитель, — не без помощи России, властно вторгнулась в Европу и тем самым вызвала в Европе подозрение, что Россия и в самом деле, сблизившись с Китаем, восстанет на европейский мир» [24. С. 252]. Закрепление в сознании европейцев подобных стереотипов о России Степун считал губительными для перспектив культурного диалога между Европой и Россией, неизменно отстаивая перед западной аудиторией мысль о принадлежности этой последней европейскому кругу культур.

В рамках Российской империи, «сверхнациональной» по своим целям и исходным задачам, по убеждению Федотова, положительным по значению и последствиям являлось приобщение к базовым ценностям и достижениям европейской культуры, а позднее, в советский период, — и к достижениям технической цивилизации — народов Средней Азии и Дальнего Востока, несмотря на относительную слабость этого русского культурного влияния в целом [6. С. 244]. Результативности российской колониальной экспансии способствовало толерантное отношение носителей русской культуры к покоряемым народам: «...у русских не было того высокомерного сознания высшей расы, которое губило плоды просвещенной и гуманной английской администрации в Индии. Русские не только легко общались, но и сливались кровью со своими подданными, открывая их аристократии доступ к военной и административной карьере...» [Там же. С. 245]. Культурно-просветительская политика СССР в Средней Азии и на Дальнем Востоке рассматривалась Федотовым как продолжение политики Российской империи в этих регионах в дореволюционный период [Там же. С. 56–57].

Следует отметить противоречивость оценок Федотова, касающихся влияния Советской России на народы Средней Азии и Дальнего Востока, входивших в состав СССР. В ряде работ это влияние оценивалось им преимущественно положительно. «Восток — это единственное место, куда советская культура несет с собой нечто прогрессивное» [Там же. С. 61–62], — писал он в 1943 г. Среди «подлинно» положительных результатов Федотов указывал «освобождение женщины от власти мужа», разрушение родовых отношений, ограничение деспотических проявлений власти «родовых старейшин, беков или ханов». Он также положительно оценивал создание в СССР благоприятных условий для развития культуры национальных меньшинств, преимущественно восточных народов. Мыслитель писал в этой связи: «Современная Россия любит Восток, увлекается им и хочет содействовать его освобождению. Для нее это не почва для насаждения своей русской культуры, не “жизненное пространство” для вытеснения чужих, низших рас. Это *естественное расширение своего организма не за счет иных, а в слиянии с ними* (вы-

делено мной. — Л.Г.)...» [6. С. 63]. Пожалуй, в этом суждении Федотова наиболее отчетливо выражено его понимание подлинного культурного синтеза. Однако в том же 1943 г. Федотов обратил внимание на фактор, негативно сказавшийся на перспективах синтеза в СССР, а именно на нарастании великорусского национализма в сталинской версии на фоне побед советской армии. В этой первоначально едва заметной трансформации в национальном вопросе в СССР Федотов сумел рассмотреть зловещие предпосылки национальной розни и сепаратистских настроений народов, входивших в его состав. Он писал в этой связи: «Смогут ли они (малые народы. — Л.Г.) вытерпеть безмерно раздуваемый национализм великорусский, который заменяет постепенно былую сверхнациональную идеологию Союза» [Там же. С. 95]. Постепенно его оценка советского влияния на народы Средней Азии и Дальнего Востока становится исключительно негативной. В 1945 г. он отмечал: «После революции оно было такого рода, что могло сделать русское имя ненавистным» [Там же. С. 244]. Безусловно, главной причиной тому являлось нарастание идеологического давления над всеми народами, входившими в состав СССР.

Отдельную проблему для российской культуры в советский период представляли привлечение к исторической активности «больших масс восточных народов, несущих с собой опыт тысячелетнего деспотизма», и их массовая инкорпорация в культуру России [Там же. С. 204–205]. Прямо или косвенно, полагал Федотов, это способствовало усилению в структуре российской культуры элементов «азиатских деспотий», прежде всего, широкому распространению физического и морального насилия в стране [Там же. С. 196]. Одним из зримых следствий этого он усмотрел в изменении антропологического «славяно-восточного» типа русского человека, в «котором все больше проступают монгольские черты» [1. С. 65]. Для мыслителя такая трансформация являлась особенно трагической с учетом сформировавшейся в имперский период иной модели русского человека, ключевой характеристикой которого признавалась «всечеловечность», немыслимая вне опыта европейской культуры [6. С. 92]. Тезис о «внешней монголизации» русского человека как результате культурного поворота на Восток, при одновременной изоляции от Запада, едва ли можно признать научно обоснованным. Тем не менее это полемическое суждение Федотова, изложенное в работе «Загадки России» (1943), получило положительный отклик у некоторых представителей российской эмиграции. Так, Б.П. Вышеславцев писал в 1949 г. Федотову: «Ваша статья “Загадки России” дает один особенный прогноз: поворот Советов на Восток, монголизация русской расы и использование азиатских народов для коммунистического империализма. Действительность оказалась, пожалуй, даже страшнее: завоевание Китая коммунизмом, “желтая опасность” Вл. Соловьева» [4. С. 409].

Значительная часть рассуждений Федотова о процессах мировой интеграции так или иначе связана с

проблемой культурных контактов европейских народов (страны «первого эшелона» развития) и народов, развивающихся по «догоняющей» модели модернизации, что являлось актуальным отнюдь не только для России. Как известно, одним из главных факторов, ускоривших процессы глобализации, является современный капитализм, сущность которого, как выяснил еще М. Вебер, составляет непрерывное наращивание прибыли, что неизбежно ведет к внешней экспансии капиталистических держав. Федотов отмечал, что страны, становившиеся объектом экспансии западного капитализма, такие как Россия, Япония, Канада, страны Восточной Европы, Индия Китай и др., подвергаясь экономической эксплуатации, одновременно с тем усваивали многие достижения европейской культуры. Одним из первых он обратил внимание на типичный результат капиталистической модернизации этих и других стран – появление феномена интеллигенции, того образованного культурного слоя, который, оставаясь национальным по своей природе, одновременно становился проводником европейской культуры. Подчеркивая универсальный характер этого феномена, ученый писал: «Некогда могло казаться, что этот дуализм, или даже самое существование интеллигенции, как особой культурной категории, есть неповторимое, чисто русское явление. Теперь, на наших глазах, с европеизацией Индии, Китая, мы видим, что то же явление происходит повсюду на стыке двух древних и мощных культур» [6. С. 139–140]. В этой связи примечательно суждение современного российского философа, культуролога, знатока восточной культуры, Г. Померанца, который на основе новых научных достижений, по сути, подтвердил вывод Федотова, обратившего внимание на этот феномен еще в 1940-е гг. В докладе, прочитанном в 1994 г. в Институте Латинской Америки, Померанц, отметив, что вестернизация России «перешла в диалог России и Запада», подчеркивал, что «то же случилось» с Индией, Японией. «Именно европейски образованные индийские мыслители – Вивекананда, Ауробиндо и другие – создали образ индийской культуры на Западе. Именно европейски образованные японцы передали европейцам и американцам свою преданность буддизму дзен» [25. С. 445].

Наряду с положительными эффектами культурного обмена европейцев с народами, имевшими иные религиозно-культурные основания, Федотов усмотрел в нем опасные тенденции для европейской культуры. Само по себе заинтересованное исследование европейцами, прежде всего представителями гуманитарного знания, нехристианских культурных миров стало важной предпосылкой международной интеграции, на что указывали и другие эмигрантские авторы, например Ф.А. Степун [26. С. 171]. Однако сопутствующим результатом познания этих миров стала рецепция чуждого религиозно-культурного опыта и духовных практик. По мысли Федотова, некритическая интериоризация этих последних в европейскую культуру в условиях

распада представлений об онтологическом единстве христианского мира, в условиях смещения христианских ценностей на периферию общественного сознания, нередко вела не к обогащению, а к ослаблению ее позиций, искажению и превратному истолкованию ее базовых ценностей, к их девальвации в массовом сознании не только европейцев, но и модернизирующихся сообществ. Усматривая большую опасность для европейской культуры в той легкости, с которой ее носители отдалялись от христианской в своей основе иерархии ценностей, Федотов писал: «Отмечу лишь утрату у современного культурного человека веры в свои ценности, которая заставляет его искать идеала вне его сферы культуры: в Москве, в Азии, в Мексике, в тропической Африке... В самоубийственном смирении – искусство Европы учиться у негров. В школе происходит непрерывный процесс диссоциации, отрыва юных созданий от культурных традиций: истории, литературы прошлых времен...» [6. С. 216]. Федотов справедливо полагал, что без фундаментального религиозно-нравственного базиса любая культура обречена на деградацию. «Всякая живая культура, как система ценностей, должна считать себя высшей, если не единственной. Релятивизм в системе ценностей есть начало распада и смерти» [Там же. С. 156], – писал он.

Пожалуй, именно в американский период творчества Федотов приблизился к проблеме пределов толерантности в демократических системах. Федотов отмечал в этой связи: «...конечно, в терпимости... мы справедливо видим одно из главных завоеваний разума и совести... Но забываем часто об одном. Эта возможность существует до известной черты. И эта черта проходит там, где начинается сфера этики, точнее, социальной этики» [6. С. 219]. В данный период на страницах его работ стала появляться справедливая критика «атонии», «духовного безволия» европейских народов [6. С. 157]. Наиболее явственно эти процессы нашли свое выражение в различных направлениях литературы и искусства, тесно связанных с духовно-нравственными основаниями. Так, касаясь современного художественного творчества, Федотов отмечал: «Искренняя и глубокая любовь к мексиканскому искусству, например, погружает душу в кровавые испарения массовых человеческих жертвоприношений, а влюбленность в негритянские идолы или пляски заражает эротикой свальных оргий. Искусство совсем не такая пустая и невинная вещь, как его воображают буржуа, употребляющие его для украшения своего домашнего быта». Развивая свою мысль, он продолжал: «В тоске по экзотике выражалось отвращение к себе и своим предкам. В этих условиях расширение художественного восприятия, открытие новых миров означало не обогащение, не рост возможностей, а обессилие и обезличение» [6. С. 159]. Безусловно, эти и подобные им суждения Федотова отличаются радикальностью. Однако нельзя не признавать оправданности его опасений относительно судеб европейской, христианской по своим ис-

тока культуры в условиях усиления международной интеграции. Следует согласиться и с его оправданной критикой заметно усилившейся тенденции «обоснования демократии на релятивизме» [6. С. 286], что перемещало проблему культурного синтеза различных культурных миров в иную плоскость, далекую от синтеза как такового. Одновременно с этим культивация в общественном сознании безграничного культурного релятивизма, ведущего к притуплению «критического разума и нравственного чувства» [Там же. С. 224], как справедливо полагал Федотов, ведет к ослаблению защитных механизмов культуры, к снижению способности сохранять приверженность своим базовым ценностям в новой мультикультурной среде.

Таким образом, в американский период творчества основная направленность размышлений Федотова о перспективах культурного синтеза в условиях углубления международной интеграции была обусловлена его христианскими убеждениями в необходимости создания всемирной федерации народов как единственном условии преодоления системного кризиса современной технической цивилизации. Будучи сторонником религиозной

идеи «многоединства во Христе» и глубоко связанной с ней идеи множественности культурных типов, ученый настаивал на необходимости сохранения самобытности отдельных народов, что, по его убеждению, становилось возможным лишь при условии отказа от модели суверенного национального государства в пользу свободной федерации народов под эгидой Америки и Англии как стран, имеющих наиболее длительную либерально-демократическую традицию. В американский период творчества он приложил немалые усилия к изучению факторов, влияющих на межкультурное взаимодействие народов, уделив при этом особое внимание перспективам европейской, христианской по своим истокам цивилизации, сыгравшей ключевую роль в социокультурной модернизации различных народов, способствуя тем самым международной интеграции. Многие теоретические положения Федотова, связанные с указанным кругом проблем, носят дискуссионный характер. Однако они сохраняют свою научную ценность и актуальность, способствуют углубленному пониманию современных глобализационных и модернизационных процессов, побуждают к дальнейшему их всестороннему изучению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М.: Канон+; РООИ: «Реабилитация», 2012. 432 с.
2. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 635 с.
3. Диалог цивилизаций и идея культурного синтеза в эпоху глобализации: материалы Всерос. конф. с междунар. участием / под ред. О.В. Воробьевой, С.И. Маловичко, Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2014. 127 с.
4. Федотов Г.П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12: Письма Г.П. Федотова и письма различных лиц к нему. Документы. М.: Тэтикс Паблишинг, 2008. 504 с.
5. Федотова Е. Георгий Петрович Федотов // Федотов Г.П. Полное собрание статей. Т. 1: Статьи 1918–1930 гг. Париж: YMCA – PRESS, 1988.
6. Федотов Г.П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 9: Статьи американского периода. М.: Мартис SAM&SAM, 2004. 383 с.
7. Карпович М.М. Г.П. Федотов // Новый журнал. 1951. Кн. XXVII. С. 266–272.
8. Степун Ф.А. Г.П. Федотов // Портреты / сост. и послесл. А.А. Ермичева. СПб.: РХГИ, 1999. С. 299–319.
9. Штейн С.И. Размышления о России и революции // Новый град. 1932. № 4. С. 87–91.
10. Иваск Ю. Г.П. Федотов // Русская религиозно-философская мысль XX века: сб. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. Питсбург: Отдел славянских языков и литературы Питсбургского ун-та, 1975. С. 346–355.
11. Юмашева О.Г. Традиции русской исторической науки второй половины XIX – начала XX вв. в наследии Георгия Петровича Федотова: дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 208 с.
12. Шаряпова Э.А. Философия русской культуры Г.П. Федотова: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 144 с.
13. Зайцева Н. Логика любви: Россия в историософской концепции Георгия Федотова. Самара: Самар. ун-т, 2001. 244 с.
14. Киселев А.Ф. Страна грез Г.П. Федотова. М.: Университетская книга; Логос, 2004. 272 с.
15. Вандальковская М. Прогнозы постбольшевистского устройства России в эмигрантской историографии (20–30-е гг. XX в.). М.: Институт Российской истории РАН, 2015. 239 с.
16. Матюшевская М.И. Геополитические взгляды Г.П. Федотова // Журнал международного права и международных отношений. 2016. № 1–2. С. 64–69.
17. Гаман Л.А. Историко-теоретические представления Г.П. Федотова // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 156–162.
18. Гаман Л.А. Революция 1917 г. и советская история в освещении русской религиозной эмигрантской мысли. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 130–225.
19. Федотов Г.П. Церковь и социальная правда // Собр. соч.: в 12 т. / прим. С.С. Бычкова. М.: Sam & Sam, 2011. Т. 5. С. 319–341.
20. Бердяев Н.А. Третий исход // Новый журнал. 1953. № 32. С. 271–280.
21. Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). М.: Русский путь, 2012. 352 с.
22. Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю., Ким С.Г., Мучник В.М., Карначук Н.В. Историческое познание и историческое сознание (к постановке вопроса) // Историческая наука и историческое сознание. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 34–67.
23. Степун Ф.А. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма / пер. с нем. Г. Снежинской, Е. Крепак, Л. Маркевич. СПб.: Владимир Даль, 2012. 479 с.
24. Степун Ф.А. Россия между Европой и Азией // Новый журнал. Нью-Йорк. 1962. Кн. 69. 304 с. С. 251–257.
25. Померанц Г. Диалог культурных миров // Лики культуры: Альманах. М.: Юрист, 1995. Т. 1. С. 445–455.
26. Степун Ф.А. Встречи. М.: Аграф, 1998. 256 с.

Lidiya A. Gaman. Seversk Institute of Technology – a branch of the National Research Nuclear University MIFI (Moscow Institute of Engineering and Technology) (Seversk, Russia). E-mail: GamanL@yandex.ru

THE CULTURAL SYNTHESIS IDEA IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL INTEGRATION: G.P. FEDOTOV'S VIEW IN THE AMERICAN CREATION PERIOD (1942–1951)

Keywords: Christianity; globalization; mentality; cultural synthesis; nationalism.

The aim of this paper is to highlight the historical and theoretical views of the Russian religious thinker, historian G.P. Fedotov (1886–1951) regarding the prospects of cultural synthesis in the context of the global integration deepening, finally prevailing in the American

period of his creative work. During this period the subject of his scientific interest becomes processes qualified as “globalization” in the terminology of modern scientific knowledge. Insufficient knowledge of the scientist’s ideological and theoretical heritage is noted. Fedotov’s works of the 1940-1950s are a source base of the article. His research strategy being cross-disciplinary in character is defined. His contribution to the study of the whole factors complex, first of all, the welfare having caused the complexity and contradictory nature of the world integration processes considerably being accelerated under the influence of major social conflicts of the 20th century, i.e. two world wars, is shown. It is emphasized that the orientation of Fedotov’s thoughts about the prospects of the international integration and viability of the cultural synthesis idea in new historical conditions substantially formed by the international situation after World War II with distinctive growth of contradictions between the USSR and the USA. For G.P. Fedotov, as a religious Westerner, an opponent of modern totalitarian regimes, the crucial reason of the international integration was a wide spread of liberal and democratic values in the world as universal. The complexity of scientist’s ideas about the nature of technogenic civilization, which beyond achievements the current levels of cross-cultural people interaction would be hardly possible, is emphasized. It is observed that the recognition of some positive aspects of modern technogenic civilization did not prevent Fedotov to see its obvious and concealed threats to culture as such. Inherent ideas of the anthropological crisis deepening in conditions of technogenic civilization, of further repression to the public consciousness periphery of religious and moral values as bases of original culture are analyzed. The scientist’s ideas about the factors complicating cultural synthesis the main of which he considered the nationalism in the extreme forms promoting aggression escalation in the world and its disintegration are covered. The proposed ways of preserving the cultural diversity in the context of the international integration deepening are considered, in particular, his polemic proposition about the necessity of national sovereignty refusal as a condition of cultural identity preservation is discussed. Finally, the conclusion about relevance and scientific value of Fedotov’s historical and theoretical ideas on the range of problems which studying promotes profound understanding of the processes happening in the modern world is drawn.

REFERENCES

1. Iggers, G., Wang, E. & Mukherjee, S. (2012) *Global'naya istoriya sovremennoy istoriografii* [A Global History of Modern Historiography]. Translated from English. Moscow: Kanon+, ROOI: Reabilitatsiya.
2. Huntington, S. (2008) *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noj identichnosti* [Who Are We? The Challenges to America's National Identity]. Translated from English. Moscow: AST.
3. Vorobieva, O.V., Malovichko, S.I. & Repina, L.P. (eds) (2014) *Dialog tsivilizatsiy i ideya kul'turnogo sinteza v epokhu globalizatsii* [The Dialogue of Civilizations and the Idea of Cultural Synthesis in the Era of Globalization]. Moscow: RAS.
4. Fedotov, G.P. (2008) *Sobranie sochineniy v 12 t.* [Collected Works in 12 vols]. Vol. 12. Moscow: Tetis Pablihn.
5. Fedotova, E. (1988) Georgiy Petrovich Fedotov [George Petrovich Fedotov]. In: Fedotov, G.P. *Polnoe sobranie statej* [Complete Collection of Articles]. Vol. 1. Paris: YMCA – PRESS. pp. 1 – XXXIV.
6. Fedotov, G.P. (2008) *Sobranie sochineniy v 12 t.* [Collected Works in 12 vols]. Vol. 9. Moscow: Tetis Pablihn.
7. Karpovich, M.M. (1951) G.P. Fedotov [G.P. Fedotov]. *Novyy zhurnal*. 27. pp. 266–272.
8. Stepun, F.A. (1999) *Portrety* [Portraits]. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities. pp. 299–319.
9. Stein, S.I. (1932) Razmyshleniya o Rossii i revolyutsii [Reflections on Russia and the revolution]. *Novyy grad*. 4. pp. 87–91.
10. Ivask, Yu. (1975) G.P. Fedotov [G.P. Fedotov]. In: Poltoratsky, N.P. (ed.) *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' XX veka* [Russian religious and philosophical thought of the 20th century]. Pittsburgh: Department of Slavic Languages and Literature of the University of Pittsburgh. pp. 346–355.
11. Yumasheva, O.G. (1995) *Traditsii russkoj istoricheskoy nauki vtoroy poloviny XIX–nachala XX vv. v nasledii Georgiya Petrovicha Fedotova* [The traditions of Russian historical science of the second half of the 19th – early 20th centuries in the legacy of George Petrovich Fedotov]. History Cand. Diss. Moscow.
12. Sharyapova, E.A. (1999) *Filosofiya russkoj kul'tury G.P. Fedotova* [G.P. Fedotov’s Philosophy of Russian Culture]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
13. Zaytseva, N. (2001) *Logika lyubvi: Rossiya v istoriosofskoy kontseptsii Georgiya Fedotova* [The logic of love: Russia in the historiosophical concept of George Fedotov]. Samara: Samara State University.
14. Kiselev, A.F. (2004) *Srana grez G.P. Fedotova* [G.P. Fedotov’s Dreamland]. Moscow: Universitetskaya kniga, Logos.
15. Vandalkovskaya, M. (2015) *Prognozy postbol'shevistskogo ustroystva Rossii v emigrantskoj istoriografii (20–30-e gg. XX v.)* [Forecasts of the post-Bolshevik system of Russia in the emigrant historiography (1920-30s)]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
16. Matyushevskaya, M.I. (2016) Georgiy Fedotov’s Geopolitical Views. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy – Journal of International Law and International Relations*. 1-2. pp. 64–69. (In Russian).
17. Gaman, L.A. (2007) Istoriko-teoreticheskie predstavleniya G.P. Fedotova [G.P. Fedotov’s historical and theoretical ideas]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 156–162.
18. Gaman, L.A. (2008) *Revoljutsiya 1917 g. i sovetskaya istoriya v osvshchenii russkoj religioznoj emigrantskoj mysli* [The 1917 revolution and Soviet history in the coverage of Russian religious emigrant thought]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 130–225.
19. Fedotov, G.P. (2011) *Sobranie sochineniy v 12 t.* [Collected Works in 12 vols]. Vol. 5. Moscow: Sam & Sam. pp. 319–341.
20. Berdyayev, N.A. (1953) Tretiy iskhod [The third exodus]. *Novyy zhurnal*. 32. pp. 271–280.
21. Karpovich, M.M. (2012) *Lektsii po intellektual'noj istorii Rossii (XVIII – nachalo XX veka)* [Lectures on the intellectual history of Russia (the 18th – early 20th century)]. Moscow: Russkiy put'.
22. Mogilnitsky, B.G. (2000) Istoricheskoe poznanie i istoricheskoe soznanie (k postanovke voprosa) [Historical knowledge and historical consciousness (on the statement of the question)]. In: Mogilnitsky, B.G. et al. *Istoricheskaya nauka i istoricheskoe soznanie* [Historical science and historical consciousness]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 34–67.
23. Stepun, F.A. (2012) *Misticheskoe mirovidenie. Pyat' obrazov russkogo simvolizma* [Mystical worldview. Five images of Russian symbolism]. Translated from German by G. Snezhinskaya, E. Krepa, L. Markevich. St. Petersburg: Vladimir Dal.
24. Stepun, F.A. (1962) Rossiya mezhdru Evropoy i Aziey [Russia between Europe and Asia]. *Novyy zhurnal*. 69. pp. 251–257.
25. Pomerants, G. (1995) Dialog kul'turnykh mirov [Dialogue of the cultural worlds]. In: Skvortsov, L.V. & Levit, S.Ya. (eds) *Liki kul'tury* [Faces of Culture]. Vol. 1. Moscow: Yurist. pp. 445–455.
26. Stepun, F.A. (1998) *Vstrechi* [Meetings]. Moscow: Agraf.